

Убедившись в этих двух вещах, можно было избежать обвинения в обмане государя. Однако вокруг императора находились лишь верные и опытные сановники, каждый из которых, как Хань Ци, был стар и мудр. В их глазах не останется места для сомнений. Войдя в зал заседаний, любая ошибка или двусмысленность могут стать фатальной мишенью, подвергая Цюна нападкам и обвинениям.

Поэтому некоторые вещи необходимо было выяснить заранее.

— Если этот метод верен, он действительно может принести тебе награду от императора... — сделав паузу и глядя прямо в глаза Чжэнь Цюну, Хань Мяо медленно и четко произнес. — Однако, учитывая важность вопроса, другие непременно спросят, где ты этому научился? Кто был твоим наставником?

Он говорил крайне медленно и с большой серьезностью, словно не просто передавал чьи-то слова, а сам искал ответ.

Под пристальным взглядом этих глубоких черных глаз Чжэнь Цюн почувствовал растерянность. Ему хотелось бы прямо объяснить свое происхождение, но он не смел. Ведь со стороны он выглядел как «восставший из мертвых». Если господин Хань узнает правду, не отвернется ли он от него? Не найдет ли кого-то, чтобы «изгнать демона»?

Заметив сомнения на лице Цюна, Хань Мяо не удивился, а скорее напомнил:

— Может, в детстве ты пережил какое-то необычное событие или встретил бессмертного в горах?

— Да... да! — Чжэнь Цюн быстро сообразил и поспешно ответил. — Я встретил бессмертного! Это был... э-э, старик с белой бородой! Он увидел, что я одарен, и передал мне свиток. Называется... да! «Канон Творения»!

Это явно было выдуманно на ходу, но Хань Мяо серьезно кивнул:

— Понятно. А где сейчас этот свиток?

— Упал в... — увидев, как господин Хань хмурится, Чжэнь Цюн поспешил поправиться. — Нет, нет. Однажды, когда я плавил пилюли, печь взорвалась, и свиток сгорел!

— Возможно, это был небесный огонь, вызванный открытием печи, который уничтожил его? — терпеливо дополнил Хань Мяо.

Чжэнь Цюн с горящими глазами быстро закивал, старательно запоминая эти слова.

— Значит, твои навыки ты не получил в храме? — задумчиво спросил Хань Мяо. — Ты ведь с детства жил в заброшенном храме. Позже, будь то храм Цзинъян или Чанчунь, ты лишь временно останавливался там. Разве можно было там научиться чему-то настоящему?

А? Что это за история? Чжэнь Цюн не сразу понял.

Видя его замешательство, Хань Мяо подробно объяснил:

— Эти храмы не выдавали тебе удостоверение даоса, верно? Без него ты мог лишь временно обучаться там. Разве стали бы обучать алхимии ученика со стороны?

Чжэнь Цюн вдруг осознал:

— Точно! В храме Цзинъян наставник заставлял меня лишь делать тофу, а в алхимическую лабораторию я пробирался тайком. В храме Чанчунь было лучше, лабораторию разрешали использовать, но никто не учил меня плавить пилюли.

Это и неудивительно. В Великой Сун искусство алхимии пришло в упадок, и действительно некому было его обучать.

Хань Мяо приподнял бровь:

— Значит, знаменитый суп из тофу из храма Цзинъян — это твое творение. А в храме Чанчунь ты что-нибудь оставил?

Чжэнь Цюн задумался:

— Знаменитый? погоди, ведь наставник говорил, что тофу плохо продается. Когда он отправил меня в храм Чанчунь, дал всего пятьсот монет на дорогу...

Он чуть не застонал от обиды! Этот жадный старикашка, всего лишь печь взорвалась!

С раздражением хмыкнув, Чжэнь Цюн продолжил:

— В храме Чанчунь я ничего не оставил, лишь обменялся с братом знаниями о возгонке ртути и оставил рецепт. Но дядя Чилияо-цзы был добр ко мне, перед отъездом подарил мне много лекарственных материалов и заметки о плавке пилюль.

Хань Мяо сразу ухватился за суть:

— Значит, ни один из храмов тебя не обучал, зато ты оставил свои секретные рецепты?

Эта привычка Цюна раздавать рецепты всегда была его слабостью. Хорошо, что его забрали в дом Хань, иначе сколько бы еще он натворил! Но теперь эти рецепты могут доказать, что его знания не из храмов, а от встречи с бессмертным.

Чжэнь Цюн тоже уловил мысль:

— Именно так! Прежние храмы были бедны, где там было место для практики? Только в доме Хань у меня появилась возможность серьезно заниматься алхимией!

Его мастерство так возросло благодаря тому, что господин Хань построил для него лабораторию!

Эти слова вызвали улыбку у Хань Мяо:

— Значит, в юности ты встретил в горах белобородого бессмертного, получил от него свиток «Канон Творения». Позже, освоив методы из книги, ты вызвал небесный огонь при открытии печи, уничтожив свиток. Затем, после нескольких переездов, ты оказался в доме Хань, где и занялся алхимией. Я правильно понял?

— Да! — это звучало очень правдоподобно, и Чжэнь Цюн энергично кивнул.

— Когда ты предстанешь перед императором, тебя обязательно спросят об этом. Цюн, давай потренируемся пару раз, чтобы ты не опозорился перед государем, — с улыбкой подбодрил его Хань Мяо.

Чжэнь Цюн с радостью согласился. Он несколько раз повторил слова с Хань Мяо, дополняя детали, и вскоре это стало казаться ему реальным воспоминанием.

Убедившись, что Цюн отвечает без ошибок, Хань Мяо вздохнул с облегчением. Он, конечно, знал, что происхождение Чжэнь Цюна странное, но сейчас не время было копать в этом. Напротив, важно было придумать ему надежную биографию. Но проблема в том, что Цюн прямодушен и не умеет лгать. Как он сможет обмануть приближенных императора? Единственный способ — постепенно внушить ему эту версию, чтобы он сам поверил в нее.

История о встрече с бессмертным и небесном огне, уничтожившем книгу, звучала как попытка возвысить себя. Но учитывая необычные способности Цюна и отсутствие реального наставника, даже если в это будут сомневаться, не найдется оснований для нападок. Это было безопаснее.

Конечно, этого было недостаточно.

— Ты хорошо говоришь, но нужно быть более серьезным. Ты еще молод, и тебя могут недооценить. Будь сдержанным, держись прямо, чтобы показать свою значимость, — снова наставлял Хань Мяо.

Это было легко! Его наставник был именно таким. Чжэнь Цюн сразу сложил руки, подражая ему. Его внешность и так была привлекательной, а теперь, подросший, он выглядел еще более необычным, словно не принадлежал этому миру.

Хань Мяо слегка кивнул:

— Кроме того, будь осторожен в своих ответах перед императором. Если тебе предложат золото или богатства, можешь принять, но если речь пойдет о титулах или должностях, обязательно откажись. И не говори никому о своем желании получить титул «истинного человека». Сейчас император награждает даосов титулом «господин». Например, патриарх Чэнь Туань получил от Тай-цзу титул «господин Сии». Титул «истинного человека» — это самоназвание, и если ты произнесешь его перед другими, тебя могут высмеять...

Ах? Значит, теперь называют «господин»? Это звучит как-то несерьезно. Чжэнь Цюн был разочарован, но, подумав, согласился:

— В любом случае, я пока не создал новых металлов, так что о титулах даже не мечтаю. Даже если кто-то заговорит об этом, я не соглашусь.

Это немного успокоило Хань Мяо. При императоре Чжэнь-цзуне, известном как «Император-даос», придворные настороженно относились к даосам, которые могли обмануть государя. Поэтому можно было стремиться к богатству, но не к власти. К счастью, Чжэнь Цюн хотел не власти, а основать свою школу. Для этого нужно было лишь набрать известность и действовать постепенно, не давая повода для нападок.

— Это хорошо. Но перед императором ты не должен вызывать сомнений в своих способностях, — подумав, Хань Мяо добавил. — Если кто-то заговорит о стекле, можешь предложить рецепт.

— Что?! — Чжэнь Цюн был потрясен. — Если я отдам рецепт стекла, что будет с новой лавкой?

Ведь они договорились, что налоги, подношения и прочее не затронут производство стеклянных зеркал. Если император получит рецепт, сможет ли лавка продолжать работу?

— Не беспокойся, — успокоил его Хань Мяо. — Императорские мастерские будут производить стекло только для двора. В будущем основным продуктом станут подзорные трубы и изящные изделия. Мастера семьи Хань не специализируются на выдувании стекла, так что мы сможем продавать очки, серебряные зеркала и стеклянные панели для окон. Если ты предложишь рецепт стекла, император будет доволен, и даже если мы не найдем сразу крупное месторождение свинца, ты получишь награду. А также можно вернуть тебе ответственность за токсичность свинца и ртути, возможно, это тоже принесет награду...

Хотя Хань Мяо говорил спокойно, Чжэнь Цюн нахмурился. Через некоторое время он вдруг спросил:

— Брат Мяо, ты беспокоишься за меня? Разве аудиенция у императора — это опасно?

<http://bllate.org/book/16827/1547508>